

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Создание надежного будущего

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ:

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Панельная дискуссия

22 июня 2012 г. — 12:00—13:15, Павильон 8, Зал 8.2, Инновационный зал

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

При поддержке UBS

Модератор:

Джеймс Хардинг, Главный редактор, The Times

Выступающие:

Марк Хефеле, Глава инвестиционного направления, управление частным капиталом, UBS

Мульяни Индравати, Директор-распорядитель, Всемирный банк

Алексей Кудрин, Декан, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Дэвид Липтон, Первый заместитель директора-распорядителя, Международный валютный фонд

Лорд Мандельсон, Председатель, Global Counsel LLP; Еврокомиссар по торговле (2004—2008 гг.)

Тарман Шанмугаратам, Заместитель премьер-министра, министр финансов и министр трудовых ресурсов Республики Сингапур

Ху Шули, Главный редактор, Caixin Media

Олег Вьюгин, Председатель совета директоров, ОАО «МДМ Банк»

Дж. Хардинг:

Доброе утро, дамы и господа. Приветствую вас на сегодняшней сессии под названием «Дорога вперед». Меня зовут Джеймс Хардинг. Я редактор газеты The Times. Нам предстоит обсудить обширную тему, и я надеюсь, что наш сегодняшний разговор будет полезным и информативным. Список участников сегодняшней дискуссии очень впечатляет. Не могу придумать, как можно было бы одним словом назвать такое собрание министров финансов, политиков и финансовых аналитиков. Может быть, подойдет слово «сокровищница». Вот что мы сегодня для вас приготовили.

Учитывая количество участников дискуссии и масштаб обсуждаемого вопроса, я попрошу каждого выступить с докладом на несколько минут, выразив в нем свои мысли по поводу ключевых факторов, определяющих движение вперед, а также по поводу наиболее серьезных препятствий и способов их преодоления. В беседе мы более подробно обсудим отдельные моменты и, я надеюсь, оставим время для вопросов. Мы попытаемся уложиться в отведенное время. Позвольте мне начать с Тармана Шанмугаратама, заместителя премьер-министра Сингапура, министра финансов и председателя Комитета Международного валютного фонда. Мне очень интересно услышать Ваши соображения, Тарман.

Т. Шанмугаратам:

Трудность заключается уже в том, что необходимо вернуться к нормальному уровню роста в течение следующих двух или трех лет. Очень немногие верят, что мы снова достигнем нормального уровня роста — и в США, и особенно в Европе. Очень мало людей в это верят. Уровень доверия к общественно-государственной политике крайне низок. Проблема отчасти заключается в том, что решения на текущий момент были краткосрочными, ориентированными на спрос и рассматривались скорее как защитные меры. Это и в самом деле была защитная политика, и люди потеряли уверенность в ней. Если не вернуть нормальные темпы роста в течение ближайших двух или трех лет, то

через восемь—десять лет структурные и базовые реформы и жесткие экономические нормы не принесут плодов. Если в течение следующих двух—трех лет ситуация ухудшится, этого не случится никогда. Что действительно нужно сделать, так это восстановить доверие частных инвесторов, чтобы они снова начали создавать рабочие места.

Сейчас мы наблюдаем совершенно противоположную ситуацию. Мы наблюдаем отчуждение частных инвесторов, особенно в Европе. При каждой возможности, каждый раз, когда возникает государственная поддержка, инвесторы стараются сбежать. Таково положение дел на сегодня. И нужно учитывать, что сумма частных инвестиций, которые потребуются в течение следующих двух—трех лет для покрытия долгов банков и государств, очень велика. Мы говорим не только о рекапитализации испанских банков, на что потребуется 62 миллиарда евро или более 100 миллиардов евро. Мы говорим о триллионах евро на выплату долгов банков и государств. Поэтому нужны частные деньги, государственных денег не хватит.

Итак, надо вернуть доверие. Что следует для этого сделать? Трансформировать долгосрочные проекты в краткосрочные; ускорить реформы поставок; инвестировать не только для немедленного стимулирования или потребления, но и в производственные мощности, в обучение безработных и нового поколения, чтобы дать людям надежду на будущее и вернуть их к работе в настоящем.

Дж. Хардинг:

Большое спасибо. Мы наверняка еще к этому вернемся, в том числе и к вопросу частных инвестиций.

Слева от меня находится человек, которого, я уверен, не нужно представлять присутствующим: он является ключевой фигурой не только в современной истории России, но в мировой экономике последних десяти лет.

А. Кудрин:

Добрый день, спасибо.

Я думаю, что краткосрочная проблема — все-таки долг, и мы сегодня идем по заминированному полю. Если говорить о том, что нужно делать в этой ситуации, то поле, естественно, нужно разминировать. Это означает, что от ожиданий и разработки решений пора переходить к конкретному плану действий. Как уменьшить проблему суверенных долгов Испании и Италии? Вплоть до реструктуризации, вплоть до частичного списания, до дополнительной внешней капитализации банков, которые потеряют и не смогут сами удержать свой капитал.

Но у нас есть и более долгосрочные проблемы. Одной из основных являлось то, что в благоприятный период последних 15—20 лет ведущие страны, весь развитый мир накапливал долг. В благоприятный период он должен был не копиться его, а всеми силами стараться уменьшить. Сейчас мы вступили в неблагоприятный период, и в такой момент нам надо компенсировать проблемы рынка путем, в том числе, заимствований, лечения суверенного долга. Однако мы отступили к тому рубежу, удержать который ни нам, ни развитым странам уже не удастся. Это означает, что у нас были в целом неверные концепции государственной политики, в том числе расходов: мы строили социальные государства, мы много тратили, не имея на то серьезных оснований. Мы жили в долг, и сейчас наступил момент расплаты. Мы должны серьезно пересмотреть концепции своих государств, содержание социального сектора. Это реформа, которую потребуется провести на протяжении ближайших 10—15 лет во всех странах. Должна появиться новая модель развития социальной сферы всех государств. Еще одно неразрешенное противоречие — это низкие сбережения и высокое потребление в развитых странах, а в результате — соответствующий дисбаланс в мире. Эти дисбалансы в период последних двух—трех лет, в ходе развития этого кризиса, никак не разрешились. Следовательно, эта причина продолжения кризиса устранена не была. Поэтому я не верю, что в ближайшие два—три года мы выйдем на устойчивый, нормальный рост. Мы будем идти по

заминированному полю. Вопрос должен ставиться иначе: найдем ли мы за два—три года то решение, которое хотя бы снизит остроту этой проблемы.

Дж. Хардинг:

Спасибо. Господин Кудрин, я надеюсь, что мы сможем вернуться к вопросам об уровнях государственных расходов и о качестве роста в России. Может быть, мы так и поступим, когда продолжим беседу.

Могу ли я теперь обратиться к Дэвиду Липтону, представителю МВФ, который сейчас находится во Владивостоке? Господин Липтон, каков Ваш взгляд на мировую экономику в макроперспективе?

Д. Липтон:

Спасибо, Джеймс. Я очень рад присутствовать на Форуме. Я считаю, что лучше всего начать разговор о путях дальнейшего развития с ответа на вопрос: с какой самой серьезной проблемой нам предстоит столкнуться? И я считаю, что проблема развитых экономик, говоря в целом, заключается в масштабном снижении долговой нагрузки государств, населения и банков одновременно. Отсюда возникает вопрос: если все уменьшают долговую нагрузку одновременно, откуда взяться росту? А если нет роста, то как успешно уменьшить долговую нагрузку? На этот вопрос нам предстоит ответить.

Очевидно, что эпицентром проблемы является Европа, поэтому позвольте мне сказать несколько слов о ситуации в Европе. Две главные проблемы Европы состоят в следующем: рынки находятся под огромным давлением, которое сейчас возрастает, потому что рынки начинают ставить под вопрос жизнеспособность Европейского валютного союза. Я считаю, что для европейских стран очень важно поднять вопросы, связанные с дальними перспективами: как развивается структура Европейского валютного союза? Как они собираются пополнять союз? Они начали с одного рынка, но там существует 17 банковских секторов и регуляторов, 17 организаций,

руководящих бюджетом. Я считаю, что в первую очередь нужно работать над финансовой интеграцией, чтобы сократить риски возникновения проблем в отдельно взятой стране и устранить возможность таких ситуаций, когда государство выручает банки в трудные периоды, но само получает еще более серьезные проблемы. Необходимо раз и навсегда решить вопрос устройства финансового союза, вопрос структуры. Будет ли это гибрид, станет ли он со временем настоящим союзом?

Конечно, чтобы решить эти вопросы в долгосрочной перспективе, нужно выжить в краткосрочной. Это означает, что надо создать ситуацию, при которой рост будет достаточным для решения индивидуальных проблем каждой страны. Необходимо осуществить финансовую консолидацию там, где есть дефицит и где долги слишком велики, разрешить сокращение уровня долга — в некоторых случаях для населения, в некоторых случаях для банков, а в некоторых случаях для тех, и для других. Чтобы добиться роста, нужно убедиться в том, что применяемая политика не усугубляет ситуацию. Проще говоря, политика по снижению банковского долга не должна приводить к кредитным кризисам или препятствовать росту. Необходимо использовать все имеющиеся политические рычаги для поддержания спроса. Необходимо применять политику структуризации для постепенного поднятия уровня потенциального роста, но при этом очень аккуратно выбирать меры по структуризации, которые были бы направлены на поддержание роста в краткосрочной перспективе.

Такова в самом общем виде ситуация в Европе; обсуждение конкретных способов применения вышеуказанных инструментов заняло бы гораздо больше времени. Но решение проблем в Европе очень важно, потому что остальной мир во многом зависит от Европы. В США есть свои проблемы. Рост присутствует, но необходимо решить бюджетные вопросы, постараться не упасть с бюджетной скалы и продолжать расти. То, что происходит в развитых экономиках, влияет на развивающиеся рынки, в частности во время спада, и я думаю, что их долгосрочные планы можно смело ставить под

вопрос, если развитые экономики замрут на длительный период. Развивающиеся экономики должны быть готовы к трудным временам, которые непременно наступят, если рост развитых экономик остановится. Им необходимо приложить все возможные усилия для того, чтобы уже запущенный процесс слияния развивался.

Дж. Хардинг:

Большое спасибо, Дэвид. Надеюсь, что мы еще вернемся к этому вопросу, в частности к разговору о том, как работать над решением проблем с учетом долгосрочной перспективы, не создавая при этом рисков в краткосрочной, и наоборот. Теперь хотелось бы предоставить слово Ху Шули, главе Caixin Media. Скажу как журналист журналисту: Caixin Media — наверное, самая интересная журналистская организация Китая, в частности в сфере новостей бизнеса и экономики. Итак, Ху Шули, прошу Вас высказать свою точку зрения, особенно в отношении Китая.

Ху Шули:

Спасибо, Джеймс. Мы собрались здесь, чтобы поговорить о восстановлении глобального доверия. Мне кажется, важно помнить о том, что не существует универсального решения, одного для всех, и то, что подойдет для Европы, не обязательно приживется в Азии. Цели Китая не совпадают с целями США.

Я хотел бы представить список того, что необходимо сделать в отношении Китая. Думаю, здесь можно выделить три направления: либерализация, выравнивание игрового поля и разработка дорожных карт. Либерализация должна коснуться нескольких моментов: в частности, процентных ставок и ценообразования по ключевым ресурсам. Более того, Китаю стоит обратить внимание на частный сектор, особенно в связи с проблемой доступа к возможностям финансирования и инвестирования. О вопросах законодательства можно говорить долго, но я вкратце отмечу, что это единый фундаментальный сектор, который может вывести страну на правильный путь:

особенно это касается стран, находящихся на переходном этапе. Поэтому этот сектор так важен для Китая. Основным уроком, извлеченным из европейского кризиса, для Китая должно стать понимание того, что нельзя жить взаимы и отказываться от решения трудных, но крайне важных проблем. Китай доказал, что это имеет большое значение для политических реформ. Спасибо.

Дж. Хардинг:

Спасибо, Ху Шули. Думаю, позже мы вернемся к этим вопросам и рассмотрим их с точки зрения и Китая, и России. Я понимаю, что мы сейчас перескакиваем от страны к стране, но все равно хочу вернуться к Европе и западным экономикам и попросить лорда Питера Мандельсона, человека, который сотрясал британскую политику в течение последних десяти или двадцати лет, который занимал должность комиссара ЕС по торговле, а теперь управляет агентством Global Counsel, выразить свое мнение о ситуации в Европе. Питер!

П. Мандельсон:

Большое спасибо всем вам за то, что вы пришли на наше заседание. Моя точка зрения, Джеймс, заключается в том, что сегодняшние проблемы глобальной экономики берут свое начало в «раю дураков», в котором мы жили и наслаждались, когда вся глобальная экономика была размыта кредитами и в результате практически все — население, организации, государства — брали кредиты и жили не по средствам. А теперь мы расхлебываем последствия, что особенно тяжело с учетом тех условий, которые сложились в Европе, где имеются взаимосвязанные кризисы государственных и банковских долгов. Это делает очень трудным быстрое и координированное применение любого из предложенных решений. Суть проблем Европы заключается, на мой взгляд, в состоянии банковского сектора: это наша ахиллесова пята. В целом, ответственность за беспечную выдачу кредитов в невероятных объемах лежит на наших банках. Имело место чрезмерное кредитование, плохое

корпоративное управление, очень рискованная торговля, и все это вместе стало причиной слабости и неустойчивости наших банков. Большинство возникших в результате проблем так или иначе отразились на финансовом состоянии государств, а те европейские государства, которые к тому моменту уже были довольно неустойчивы в финансовом плане, испытали огромные трудности в этих новых условиях по причинам, которые нам всем понятны. Конечно, сама по себе еврозона — рентабельный проект и хороший актив. Однако в этом контексте проявилось слабое место еврозоны — подверженность влиянию суверенного долга, для работы с которым не имеется специальных институтов, функционирующего центрального банка или коллективной ответственности и источников финансирования государства и банков в случае возникновения подобных проблем. Теперь мы понимаем, что этот проект не провалился, а, скорее, не был завершен. Как нам действовать между двух огней? Как справиться с кризисами суверенных и банковских долгов? Как решить обе эти проблемы и одновременно срочные задачи? Как совместить очень нужный, но сложный локальный ремонт и капитальный ремонт еврозоны, для чего, по моему мнению, понадобится еврозона-2 (но совершенно не очевидно, что она возникнет)? Это очень сложный комплекс задач, особенно если учесть, что лидеры европейских стран не пришли к согласию ни по масштабам и продолжительности борьбы с пожаром, ни по мерам восстановления еврозоны. И главная проблема состоит даже не в отсутствии единого мнения у правительств различных стран: в обществе царят страх и неуверенность в завтрашнем дне, нам постоянно говорят, что нужно еще увеличить Европу, усилить интеграцию, что требуется объединение. Лично я с этой идеей согласен, но европейские деятели остаются глухи к ней, потому что устали слушать об интеграции и считают пустой мечтой попытки создания единой политической единицы, которая бы осталась при этом союзом европейских демократических государств. Здесь я прервусь, потому что, если продолжу развивать эту мысль, меня будет сложно остановить. А это будет некстати, так как здесь присутствует еще много

участников дискуссии, у которых есть очень интересные мысли, — подозреваю, что в том числе и по поводу Европы.

Дж. Хардинг:

Большое спасибо, Питер. Очень надеюсь, что мы сможем вернуться к этому вопросу. Поразительно слышать, как Дэвид Липтон говорит о необходимости незамедлительного и основательного урегулирования ситуации с финансовым и банковским объединением, а Вы говорите о глубоких политических разногласиях, мешающих воплощению этой идеи.

Я хочу предоставить слово Олегу Вьюгину. Поскольку Россия сейчас наблюдает за Европой и оценивает возможное воздействие происходящих в ней процессов на российскую экономику, в том числе с учетом собственных проблем российской экономики, я хотел бы попросить Вас высказать свое мнение относительно дальнейших путей развития ситуации.

О. Вьюгин:

Спасибо, Джеймс. Если говорить о некоторых участниках глобальной экономики, очевидна необходимость сокращения объема долга. Меры, принимаемые основными регуляторами и властями, в данный момент подразумевают краткосрочные действия по предотвращению лихорадочного сокращения объема долга и последствий таких обещаний. Это значит, что краткосрочные меры на самом деле не открывают нам свет в конце тоннеля. Это большая проблема. Принимая во внимание низкие процентные ставки, инвесторы дезориентированы, и очень трудно принять правильное решение, когда у тебя есть крупная сумма денег под инвестиции. Погоня за качеством обоснована в краткосрочной перспективе. Но в долгосрочной перспективе это бег в никуда.

Какими могут быть действия развивающихся экономик, и особенно России, с этой точки зрения? Ситуация в России очень специфическая. Объем долга не настолько значителен, чтобы породить проблемы, имеющиеся в европейских

странах. Благодаря этому многие инвесторы видят в России хороший потенциал. Мне кажется, что у России и других развивающихся рынков, таких как Китай, Бразилия, Индия, может быть Африка, есть уникальная возможность получить большое количество ресурсов и совершить скачок в будущее. Единственным препятствием являются риски, связанные с качеством регулирования и качеством государственных агентств. Могут возникнуть политические проблемы, которые создадут препятствия для крупных инвестиций. Налицо ситуация, когда деньги, перетекающие по миру в поисках тихой гавани, могли бы быть направлены с потенциальным риском в развивающиеся рынки и экономики. Конечно, инвесторам придется рискнуть. Единственным препятствием, которое мешает инвесторам принять эти риски, является качество регулирования. Если Россия преодолет проблемы, связанные с качеством регулирования и законодательной системы, то нам удастся воспользоваться этой возможностью. Это касается не только России, но и других стран. С моей точки зрения, это один из вариантов воссоздания и восстановления устойчивого экономического роста в глобальной экономике без болезненного снижения объема долга в развитых странах. Конечно, можно сказать, что это всё мечты, потому что иногда бывает очень сложно усовершенствовать регулирование и повысить привлекательность экономики за короткий срок. Может быть и так, но это — одна из возможностей избежать серьезных и болезненных перемен в будущем, потому что необходимость снижения объема долгов не исчезнет. Любая попытка предотвращения этого процесса, попытка лечения, является провокационной и может повлечь за собой негативные последствия, такие как искажение инвестиционных целей, хотя не только. Такова моя точка зрения.

Дж. Хардинг:

Спасибо, Олег. Большое спасибо. Очевидно, что это один из важнейших вопросов. Как снизить объем долга, не препятствуя росту в краткосрочной перспективе, о чем уже говорил Тарман? Теперь я хотел бы дать слово Марку

Хефеле, который занимается инвестициями в UBS и, вероятно, знает многое о том, как управлять ресурсами частного сектора. Отдел инвестиций UBS управляет 1,6 триллиона долларов США. Как вы заставляете эти деньги двигаться, Марк?

М. Хефеле:

Итак, частный инвестиционный капитал и доверие частных инвесторов определенно лежат в основе нашего движения вперед. В дополнение в 1,6 триллиона долларов США частного капитала, которым мы управляем, мы предоставляем банковские услуги каждому второму миллиардеру. Во всех наших беседах с инвесторами они выражали обеспокоенность в связи с возможностью спада в краткосрочном периоде, а также с возможностью решения проблемы суверенных долгов развитых стран или развитых рынков в среднесрочной перспективе. Я считаю, что в отношении краткосрочного периода мы как компания немного более оптимистичны, чем большинство инвесторов. Относительно ситуации в Европе мы думаем, что она приблизится к краю обрыва, но затем еврозона объединится, и европейским странам удастся выбраться. Мы полагаем, что в США продолжится субтрендовый рост. Мы не ожидаем рецессии. А наиболее оптимистичны мы в отношении Китая. Мы полагаем, что многие из небольших реформ, проведенных в течение последних нескольких месяцев, начнут давать результаты, что отразится уже в июльских данных. Мы увидим возобновление экономического роста. Это что касается краткосрочного периода.

Если говорить о суверенном долге в среднесрочном периоде, то мы ищем рычаги управления, которые помогут нам выйти из сложившейся ситуации. Мы полагаем, что в конце концов придем к подобию еврооблигаций. Это подразумевает нейтрализацию долга или принятие на себя ущерба некоторыми сторонами. Два других ключевых этапа этого пути состоят в продолжении финансовых репрессий, а именно в поддержании процентных

ставок суверенного долга на необычно низких уровнях. Инфляция также будет играть важную роль в выборе способов выхода из текущей ситуации. Спасибо.

Дж. Хардинг:

Большое спасибо, Марк. Скоро мы вернемся к этим вопросам, в частности, к двум последним моментам. Я хочу передать слово Шри Мульяни Индравати, у которой есть вполне конкретное видение перспективы, не только как у бывшего министра финансов Индонезии, но и как у управляющего директора Всемирного банка, — понимание текущих внутренних политик и международной перспективы законодательства. Шри Мульяни!

Мульяни Индравати:

Спасибо, Джеймс. Я с особым вниманием выслушала те моменты, когда речь заходила о восстановлении нормального роста, особенно в выступлении Тармана. За последние 30 лет мы увидели, что рост в Китае, например, составил двузначную цифру, или 10%, что очень впечатляет. Большинству развивающихся стран удалось дотянуть показатели роста до значений в 3—6%, и этот рост обеспечивался экспортом и внешним спросом, рост которого составляет 10%. Внешний спрос обычно поступает из развитых стран, где сейчас мы наблюдаем проблемы, будь то Европа, США или даже развитые азиатские страны.

Теперь вопрос заключается в том, что мы на самом деле наблюдаем: ослабление связей или рождение новой парадигмы. Могут ли развивающиеся страны со средним уровнем дохода стать стабилизирующим фактором в обсуждаемой сейчас краткосрочной ситуации? Конечно, по причине зависимости от внешнего спроса многие развивающиеся страны страдают от так называемого ослабленного роста. Вы видите, что темп роста экспорта снижается. А когда это отражается на стоимости природных ресурсов или товаров, мы видим внезапный перекося в ценах на нефть и на товары общего потребления. С такой проблемой столкнутся нефтедобывающие и

африканские страны, где за последние десять лет наблюдался очень впечатляющий рост — более 5%. Такого раньше не было. Встает вопрос об изменении модели роста. Многим развивающимся странам не стоит больше полагаться на внешний спрос — напротив, необходимо развивать внутренний спрос. Это будет непросто. Китаю надо будет полагаться на потребление, а не на инвестиции, предназначенные для экспорта. Это изменит социальную политику или, в данном случае, даже местную политику в сферах образования и здравоохранения. Многие другие страны со средним доходом сталкиваются с внутренними структурными проблемами. Об этом не следует забывать. Сейчас все наше внимание направлено на Европу, будто проблема заключается только в Европе, а страны со средним доходом выглядят относительно хорошо. Но если присмотреться внимательнее, мы увидим, что 70% бедноты все еще сосредоточено в странах со средним доходом — в частности, в странах БРИК. И необходимо обсудить структурную ситуацию, имеющую место во многих развивающихся странах, вне зависимости от того, говорим мы о вопросах законодательного регулирования, качества институтов или качества инфраструктуры. Все это еще нужно развивать. Я думаю, что решая эту проблему, страны со средним доходом получают возможность сосредоточиться на модели внутреннего роста и одновременно решать свои структурные проблемы, улучшая качество; это сделает возможным возникновение роста на основе развития инфраструктуры.

В то же время, важнейший урок, который развивающиеся страны должны извлечь из кризиса, произошедшего в Европе и США или других государствах, где существует проблема суверенного долга, заключается в необходимости тщательного контроля за теми моделями экономического роста, которые мы используем. Рост должен происходить не за счет накопления долга, а за счет производительности. Это подразумевает инвестиции не только в промышленную инфраструктуру, например, дороги и электричество, но также и в социальную инфраструктуру, включающую в себя человеческий капитал,

институты и законодательное регулирование. Эту мысль необходимо донести до развивающихся стран, чтобы мы не оказались чрезмерными оптимистами, но и чрезмерными пессимистами тоже. Одним словом, перед нами стоит глобальная задача — сбалансировать рост. Когда я говорю о пересмотре баланса роста, я имею в виду не только необходимость повышения уровня потребления в развивающихся странах АСЕАН и усиленной экономии в развитых странах, я также подразумеваю необходимость для каждой страны сфокусироваться на своих структурных проблемах. Таким образом, чтобы глобальный рост был постоянным и сбалансированным, он должен быть основан на продуктивности, инновациях и эффективных институтах.

Дж. Хардинг:

Благодарю Вас, Шри Мульяни. Большое спасибо. Я думаю, что мы затронули самую суть вопроса. Слушая участников дискуссии, я уловил напряжение между идеями использовать частный сектор и не привлекать государственный в целях ускорения роста, между решениями в краткосрочной перспективе и в долгосрочной. Актуальный вопрос — и я адресую его Алексею Кудрину — заключается в том, что будут делать развивающиеся экономики, если в течение ближайших двух лет не будет наблюдаться существенный рост развитых экономик.

В этой связи я хотел бы начать с двух вопросов о России. Рост в России определенно лучше, чем в Европе, но немного ниже, чем в других странах БРИК. Что вы делаете для повышения темпов роста в России и каким образом вы изменяете качество этого роста, уровень общественного потребления и объемы государственной собственности? Алексей Кудрин.

А. Кудрин:

Спасибо. До кризиса, примерно с 2000-го по 2008 год, экономический рост в России в среднем был больше 7% ВВП в год. Это хороший показатель, но мы должны отметить, что половина этого роста осуществлялась за счет роста

цены на нефть и роста добычи нефти и газа. Сейчас мы вышли на новый тренд: у нас не будет роста добычи нефти. Старые месторождения постепенно истощаются, а новые не успевают замещать объем добычи на старых. Значимость этого фактора роста существенно снижена. Кроме того, я полагаю, что нам нет смысла рассчитывать на такой рост цены на нефть, который наблюдался в последние десять лет. Когда в 2000 году я стал министром финансов, то 20 долларов за баррель мне казались счастьем для нашей экономики, так как средняя цена в предыдущие десять лет составляла 18,5 доллара. В пик кризиса 1998 года она доходила до восьми долларов. Сейчас мы не можем ожидать, что цена на нефть в ближайшие годы будет существенно прирастать. Думаю, что в этом определенную роль играют и программы энергосбережения. Может быть, цена не будет существенно падать, но ожидать большого роста не приходится. Фактор роста цены нефти потерял для России былую значимость.

Еще один фактор связан с тем, что мы были экономикой спроса: мы поддерживали спрос, в том числе за счет государственной денежной экспансии. Сейчас мы также не можем надеяться на то, что это фактор устойчивый и долгосрочный. Наш рост не был основан на конкурентоспособности и качестве нашей продукции, на захвате своих рыночных ниш на мировом рынке. В последние десять лет мы имели рост за счет расширения потребления. Теперь нам нужно создать фактор более качественного производства, способного конкурировать с такими же продуктами в других странах мира. Это означает, что у нас должен быть хороший макроклимат, у нас должно быть качественное регулирование.

Как сказал Олег, судебная система — это то, что создает элементарные возможности реализации комфортных условий для любого бизнеса. Плюс к этому — качество людей, рабочей силы, образование и способность внедрять инновации. Здесь нам тоже еще многому нужно учиться. Мы поставили себе задачу, но нужно пройти определенный путь, чтобы добиться желаемого результата. Вот почему мы сейчас стоим перед изменением модели

экономического роста. Мы условно называем это переходом от экономики спроса к экономике предложения, имея в виду качественное предложение, новое качество нашей продукции. Добавлю, что по этим причинам наш экономический рост в ближайшие годы не будет превышать 4%.

Дж. Хардинг:

Но именно об этом я и хотел поговорить. В планах России вырисовывается четкая сюжетная линия. Вчера мы слышали от президента, что страна не стремится к государственному капитализму, что есть стремление к повышению объема инвестиций частного сектора, но, в то же время, за последние несколько лет усилилась роль государства в экономике. Как Вы объясните различие между тем, что говорится, и тем, что происходит в действительности?

А. Кудрин:

Мне кажется, что президент поставил абсолютно правильные задачи. Вопрос же состоит в том, как от обозначения целей перейти к их реальному достижению. Это у нас всегда страдало. Уменьшение доли государства и улучшение качества среды регулирования — пока эти процессы оставляют желать лучшего. Насколько Правительство и президент смогут мобилизовать и консолидировать свою команду, настолько и воплотится в жизнь решение этих задач.

Дж. Хардинг:

Большое спасибо. Ху Шули, я хотел бы обратиться к Вам, потому что в Китае есть, если угодно, другое видение той же проблемы. Деньги из частного сектора помогают сократить объем долга государственных предприятий, и, если говорить о качестве роста в Китае, степень истощения частного инвестиционного сектора вызывает озабоченность. Как Вы оцениваете эту проблему?

Ху Шули:

Спасибо. Я считаю, что, в сравнении с другими странами, особенно развитыми, экономическая ситуация в Китае очень положительная. Однако существуют глубинные проблемы. Мы должны понять причину, по которой развитие Китая в последние несколько десятков лет было таким интенсивным. Я считаю, что причиной тому является наличие трех преимуществ. Первое: Китай начал с очень низкой точки. Этап раскрытия благоприятен для реформирования экономики. Второе преимущество вытекает из глобализации и большого внешнего спроса; при этом я думаю, что Китаю в наибольшем объеме достались положительные моменты глобализации. Третьим преимуществом Китая являются демографические дивиденды, проще говоря — дешевая рабочая сила. Как минимум два из трех преимуществ исчезнут в течение следующих нескольких лет. Китаю придется очень трудно. Китай говорит об изменении модели роста уже 15 лет, но новый план все еще не удалось осуществить. Сейчас мы говорим о спаде роста китайской экономики, но этот рост все еще находится на приемлемом уровне. Люди обсуждают возможности мягкой посадки, жесткой посадки или отсутствия посадки вообще. Имеются серьезные варианты, которые отличаются от существующих во всем остальном мире.

Я знаю, мировые обозреватели говорят о том, что мягкая посадки Китая очень поможет всему остальному миру. Но в Китае существует устойчивое мнение, что жесткая посадка была бы предпочтительнее для нас. Почему? Потому что, если мы сможем приземлиться, а не рухнуть, это будет уже хорошо. Мягкая посадка подразумевает, что мы должны почувствовать приближение кризиса, и это может спровоцировать глубинные реформы. В Китае есть все условия для начала глубинных реформ, кроме достаточно явного ощущения кризиса. Без этого проводить реформы трудно. Мы всегда говорим о целях (например, 100 миль), но мы достигли этой цели всего на 90%, а это то же самое, что половина. Такова реальная проблема Китая. Для проведения глубинных

реформ Китая нужны проблемы, которые можно начать решать. Мы знаем, что нам нужна структурная реформа, политическая реформа или дальнейшая либерализация, подразумевающая доступ частного сектора в ранее закрытые области и тому подобное. Вопрос в том, как их осуществить? У меня всё.

Дж. Хардинг:

Большое спасибо. Тарман, Вы хотите высказаться по этому вопросу? В частности, в отношении структурной реформы в странах со средним уровнем дохода?

Т. Шанмугаратам:

Да. Из нашей дискуссии вытекает, что общая проблема, которую господин Кудрин отметил в российской экономике, но которая актуальна и для развитых экономик, а Шри Мульяни отмечала то же самое в отношении развивающихся экономик, — это проблема предложения как основы роста. Вопрос — в навыках, в реформировании институтов, в демографической неопределенности.

Позвольте мне отметить два момента. Я считаю, что навыки являются большим приоритетом, и об этом действительно стоит подумать серьезно. Уровень нетрудоустроенности среди молодого населения в развитых экономиках, составляющий 25% и 50%, абсолютно неприемлем. Нужно помнить, и это знает каждый, а не только экономисты или политики, что молодые годы — это время, когда накапливаются знания для дальнейшей жизни. Если человек не накопил навыков в молодости, ему будет сложно вести нормальную жизнь в дальнейшем. Очень важно активно заняться этой проблемой сейчас, чтобы получить преимущества в долгосрочной перспективе.

Что касается развивающихся стран, то, как правильно сказала Шри Мульяни, ключевой задачей является производительность. Напомню, что, несмотря на все происходящее, уровень производительности в Китае составляет 15% от

уровня США. Уровень производительности в Индии составляет 5% от уровня США. Даже в тех немногих странах, которым удалось выбраться из ловушки средних доходов, уровень производительности составляет около 65% или 75% от уровня развитых стран. Уровень Сингапура, Кореи и прочих составляет всего 65—75% от уровня развитых экономик. Есть к чему стремиться.

У развивающихся стран имеется большое преимущество: все они, кроме Китая, молоды. Если исключить Китай и взглянуть на Ближний Восток и Северную Африку, Африку южнее Сахары, Индию, Латинскую Америку, Юго-Западную Азию, то мы увидим важную отличительную черту: треть их населения, или около 30%, моложе 14 лет. Мы считаем, что это огромное демографическое преимущество, или, как говорят, демографические дивиденды. Но это в равной степени может стать и причиной демографической катастрофы, потому что с имеющейся политикой, текущим уровнем инвестиций в образование и обучение мы просто не готовим эту часть населения развивающихся стран к участию в глобальной экономике, не даем людям уверенности в том, что они смогут заработать себе на жизнь собственными навыками и предприимчивостью. Мы просто к этому не готовы. Уровень инвестиций и, как сказал господин Кудрин, качество инвестиций в образование, а не просто общий размер бюджета, все еще очень слабы. С учетом текущей политики описанное кажется скорее катастрофой, нежели дивидендами. А на другом конце демографического спектра — Китай, который постареет, будучи еще относительно бедным, и развитые экономики, где, как известно, системы социальной защиты скоро станут несостоятельными.

Фактически они уже несостоятельны. В США трастовый фонд социальной защиты при текущих ставках взносов станет несостоятельным в течение следующих 18—25 лет. Поэтому надо либо резко повышать ставки страховых взносов для молодого населения, что очень сложно сделать, потому что при низкой численности молодого населения ставки должны быть очень большими, либо снижать пособия, но тогда это будет политически трудно для пожилого населения. В большинстве демократических систем выбор сделан в

пользу пожилого населения, потому что пожилые люди принимают участие в голосовании, а молодежь — нет. Следующее поколение не будет голосовать. В этом состоит трудность выбора для демократических систем. Как решить демографическую проблему старения, чтобы решение не оказалось скоропалительным и безответственным?

Дж. Хардинг:

Могу я задать вопрос по первой проблеме — проблеме нетрудоустроенности молодежи? Вы предлагали вплотную заняться этим вопросом, но это не очень сочетается с предыдущей задачей — принимать меры в краткосрочном периоде, не вызывая проблем в долгосрочной перспективе.

Т. Шанмугаратам:

Правильно. Я считаю, что и в развивающихся, и в развитых странах мы наблюдаем в последние 20—30 лет смещение в сторону академического, высшего образования. Мы видим значительный уклон в сторону классического университетского образования. Но по факту сегодня в США и Европе многие нетрудоустроенные выпускники работают за плату, не соответствующую уровню их образования. Они выполняют довольно простую работу — это работа клерка, простая техническая работа, что очень разочаровывает. Вложить семейные деньги и несколько лет своей молодости в получение образования, чтобы обрести работу, для которой все это было не нужно, — большое разочарование и пустая трата ресурсов. Аналогичная ситуация на сегодняшний день имеется в Китае: при мощном экономическом росте в 8—9% уровень нетрудоустроенности выпускников очень высок. То же самое — в Индии и в развивающемся мире в целом. Необходимо изменить концепцию образования, направив его на приобретение навыков и сделав более прикладным. Образование можно вывести на очень высокий уровень, но оно должно быть связано с работой, предпочтительно быть частью работы или даваться в тесном взаимодействии с работодателями. В Германии и

Скандинавии есть рабочие модели с использованием стажировок, двойного образования и производственной практики. Мы можем развиваться в этом направлении. В некоторых небольших развивающихся странах, таких как Сингапур, также уделяется большое внимание техническому образованию. Перекос в сторону академического образования, который многие страны необдуманно поддерживают в течение последних 20 лет, нужно исправлять.

Дж. Хардинг:

Очень интересно, спасибо. Я думаю, для того, чтобы все мы покинули Санкт-Петербург с чувством, что получили важнейшую информацию, нам нужно узнать, каких событий следует ожидать в Европе в течение следующих шести месяцев. Пользуясь присутствием лорда Мандельсона, Дэвида Липтона и многих других людей, обладающих достоверной информацией о том, что происходит в Европе, я задам несколько простых вопросов о перспективах на ближайшие полгода.

Начну с Питера Мандельсона. Вопросы будут следующими: уйдет ли Греция? Будут ли выкуплены суверенные долги Испании и Италии? Произойдут ли структурные изменения в соглашениях между членами еврозоны? Питер Мандельсон.

П. Мандельсон:

Это очень хорошие вопросы. Уйдет ли Греция? Не обязательно, но если это произойдет, то уход ее не будет скоропалительным. Будут приложены все усилия для того, чтобы уход Греции не произошел хаотично, чтобы он осуществился подобающим образом. Эта ситуация еще под вопросом.

Будут ли спасать Испанию и Италию? Уже сейчас этим странам предоставляется серьезная расширенная финансовая поддержка. Но если Вы имеете в виду ситуацию, при которой банковский кризис в Испании распространится на Италию, и оба государства не смогут финансировать себя за счет рынка, то еврозоне окажется нелегко финансировать и Испанию, и

Италию. Не скажу, что это невозможно, но это будет очень трудно сделать, не заставляя Европейский центральный банк запустить печатные станки для выпуска новых денег на покрытие соответствующих расходов. Для Германии это, конечно же, категорически неприемлемо. Такое решение влечет за собой всевозможные риски и опасности и никоим образом не является простым и очевидным. Но не стоит недооценивать политические стремления, которые имеются у членов еврозоны, как среди политической элиты, так и в народе, — стремления поддержать экономику и валютный союз, что сейчас составляет самую суть всего европейского проекта.

Произойдут ли структурные изменения? Произойдут, но, опять же, не за одну ночь. Я думаю, на встрече Европейского совета на следующей неделе, 28—29 июня, мы сможем увидеть рабочий план (если можно использовать такой термин), над которым работают председатель Комиссии, председатель Европейского совета господин Ван Ромпей и председатель Центрального банка господин Драги. Они пытаются получить от глав правительств стран ЕС согласие с рабочим планом и закрепить это согласие. Я полагаю, что после этого, в течение последующих шести месяцев, этот рабочий план, или набросок, эти структурные блоки и рабочие методы, согласованные на встрече Европейского совета, превратятся в план действий. Это должно произойти до конца календарного года. Тогда у нас будет возможность восстановить взаимное доверие в еврозоне и создать мост в будущее: рынки обретут уверенность в том, что этот незавершенный проект, если можно так выразиться, поможет исправить существующие недочеты, и все ошибки будут устранены. Сейчас перед главами европейских государств стоят два очень трудных и важных вопроса: что возможно осуществить до конца года и какой мост в будущее будет создан по итогам этого года путем пересмотра или реорганизации еврозоны.

Дж. Хардинг:

Спасибо, Питер. Дэвид Липтон, какова Ваша точка зрения на события, которые могут произойти до конца года?

Д. Липтон:

Позвольте мне начать с того, что я не имею ответов на Ваши вопросы и не думаю, что у кого-то они есть. Я бы подошел к этим вопросам по-другому: что должно случиться? Я думаю, для Греции и Европы очевидно, что Греции лучше продолжить свою программу корректировки и сделать все, чтобы остаться в еврозоне. Лишившись нынешней поддержки, Греция должна будет вносить жесткие изменения в куда более быстром темпе. Это окажет неблагоприятное влияние и на остальные страны Европы, особенно если ситуация окажется плохо контролируемой. Поэтому продвижение вперед входит как в интересы Греции, так и в интересы Европы.

Если говорить об Италии и Испании, я считаю, что обе эти страны предприняли огромные усилия для решения своих проблем — и в плане финансов, и в плане конкуренции. Раньше я отмечал, что проблема уменьшения долговой нагрузки в Испании будет долговременной. Эта проблема не будет решена мгновенно. Но хотя обе эти страны делают все, что говорит Европа, им не удастся убедить рынки. Я думаю, в этой ситуации Европе стоит спросить себя: разве мы не должны помочь странам, которые выполняют все наши рекомендации? И если нет — что сказать стране, у которой возникли проблемы?

Связывая это с Вашим третьим вопросом о структурных проблемах: я считаю, Европа может обеспечить гарантии того, что страны, которые, подобно Испании и Италии, выполняют все требования, но которым нужно время, получат помощь, и не потерпят неудачу, каковая вызовет большие проблемы во всей Европе, в первую очередь в банковской сфере.

Вы спрашивали о выкупах долгов. Долг Испании не выкуплен, но она получила финансовую поддержку для рекапитализации своих банков. Очень важно, чтобы Европа могла предоставить странам такие способы решения проблем с

банками, которые не налагали бы на государственную финансовую систему столь тяжелого гнета, что страна не сможет решить свои проблемы.

Другим примером может послужить депозитное страхование. Если в банковской системе страны возникла течь, а у страны нет средств для возмещения банковских депозитов, то это проблема для всей Европы. Поэтому необходимо найти способ предотвращения таких проблем — в интересах отдельных стран и Европы в целом. Я ожидаю увидеть движение в сторону финансовой интеграции под надзором Европы. Целью будет предотвращение своего рода рефрагментации, которую мы наблюдаем в банковском секторе Европы, — депозитное страхование и схемы рекапитализации. Это не произойдет мгновенно, но в некоторых сферах процесс может быть очень быстрым.

Вопрос долгосрочного характера — о дальнейшем объединении Европы и валютном союзе в Европе — определенно будет формулироваться и разрабатываться в течение длительного периода. При этом в Европе было много проектов, которые долгое время находились между этапами концептуализации, получения политической поддержки и внедрения, будь то таможенный союз, валютный союз или что-то еще. Очень важно начать двигаться по намеченному пути. Это ощущение движения и ощущение участия может оказать положительное влияние на рынки, которые, как мне кажется, смотрят на нынешнюю гибридную ситуацию и задаются вопросом: а это действительно работает? Я полностью согласен с тем, что сказал Питер Мандельсон. Необходимо осознать степень заинтересованности Европы в осуществлении европейского проекта. Это очень важно с политической и экономической точек зрения. Я считаю, что когда Европа хорошо поработает над этим вопросом, оценит все трудности и риски, она задумается над архитектурными изменениями. И очень важно, чтобы она сделала это достаточно основательно.

Дж. Хардинг:

Спасибо, Дэвид. Марк Хефеле и Питер Мандельсон хотели что-то добавить. Марк, Вы первый.

М. Хефеле:

Я хотел обратиться к вопросу о доверии, который был поднят. Отклик рынка показывает, что в течение длительного периода действия политиков не влияли на рынок и не имели положительного эффекта. Действия ЕЦБ придали рынкам уверенности на чуть более долгое время. Таким образом, становится ясно, кого рынки считают способными держать обещания, а кого нет. Мне было бы очень интересно услышать мнения участников дискуссии по поводу того, чего следует ожидать от саммита ЕС. Со своей позиции мы видим, что Европа играет в покер: свои наборы карт есть у стран, находящихся на периферии, у Ангелы Меркель, у ЕЦБ, и каждый хочет разыграть свои карты. Многие страны мира не замечают, сколь большое значение Ангела Меркель придает внутренней политике. Вообще сейчас 80% жителей Германии высказываются против еврооблигаций и более тесной интеграции. Поскольку Ангела Меркель думает о выборах, которые произойдет в Германии в 2013 году, этот вопрос нужно немного придержать. Если же мы изыдем этот элемент из расчетов и не продвинемся по этому вопросу достаточно далеко, то, я думаю, к сожалению, нам придется стать свидетелями дальнейших шагов ЕЦБ, будь то снижение ставок или увеличение количества долгосрочных операций рефинансирования. Это не обязательно будут долгосрочные мероприятия. И именно поэтому мы склоняемся к тому, чтобы хоть как-то довести дело до конца, не надеясь, что саммит ЕС даст принципиальное решение.

Дж. Хардинг:

Спасибо, Марк. Питер, Вы хотели что-то сказать.

П. Мандельсон:

Я хотел бы добавить постскрипtum к тому, что сказали Дэвид и Марк. Марк, я уверен, что мы увидим третью или четвертую фазу долгосрочных операций рефинансирования от ЕЦБ, хотя только Бог знает, какой мусор можно будет купить на эти средства. Вы правильно сказали о Германии. Германия играет ключевую роль во всем, что Вы описали, в том числе в том решении, которое предложил Дэвид Липтон. По сути, как сказал Дэвид (и я с ним согласен), валютный союз не может существовать без более тесного объединения финансовых и банковских мероприятий. Он не может существовать, не имея обзора на 360 градусов, и без Европейского центрального банка. Я не верю в возможность долгосрочного существования валютного союза, еврозоны без внесения изменений в ее структуру и принципы работы.

Но здесь возникает проблема. По сути, то, что описывает Дэвид, и в краткосрочной и в долгосрочной перспективе является не просто экономическим и валютным союзом. Он очень точно описывает переходный союз. Это союз, где сильный приходит на помощь слабому, и такая идея должна лечь в основу работы развивающегося экономического и валютного союза. Но когда мы говорим о том, что сильный приходит на помощь слабому, мы не полностью, но в значительной степени имеем в виду Германию. Германия не без оснований привлекает внимание. Во-первых, у нее нет неограниченных ресурсов, которыми можно было бы пользоваться бесконечно. Германию невозможно растягивать до бесконечности, ничего не сломав. Во-вторых, Германия говорит, что слабые члены еврозоны стали так уязвимы перед кризисами банковских и суверенных долгов потому, что изо всех сил старались воспользоваться всеми преимуществами дешевых займов, которые стали возможны благодаря созданию евро и еврозоны, не внося при этом изменений в свои экономики, не внедряя экономических и структурных изменений, которые бы позволили им пользоваться существующими преимуществами бесконечно. Иными словами, слабые члены еврозоны воспользовались преимуществом наличия евро, чтобы жить не по средствам, но не внесли в экономику структурных изменений, которые бы позволили им

делать это обоснованно и на протяжении неограниченного срока в будущем. Поэтому Германия пытается донести до них мысль о необходимости, так сказать, самолечения. Мы не собираемся просто выбросить деньги и профинансировать создание и развитие переходного союза, пока нам и нашим гражданам не станет предельно ясно, что вы проходите через сложные перемены и структурные реформы, которые осуществила вся остальная Европа, а вы по какой-то причине еще не смогли или не пожелали этого сделать. Наконец, в-третьих, Германия скажет, что если вы хотите, чтобы мы приняли на себя более масштабную и централизованную ответственность на уровне Европы, то для вас это будет означать некоторую потерю государственного суверенитета или возможности определять собственный курс в финансах и прочих сферах. Вы утратите часть своей государственной экономической свободы, чтобы воспользоваться всеми преимуществами обобщения ответственности, выкупа ваших долгов, помощи вашим банкам и так далее. А мы в Германии хотим увидеть, как все это будет работать на европейском уровне. Мы ступим на конвейерную ленту переходного союза, если у нас будет представление о том, какие порядки и меры управления будут применяться, чтобы система работала во всей еврозоне. Хорошо, давайте поговорим о помощи сильным слабым. Да, хорошо, будет более отчетливое ощущение того, что в самом сердце еврозоны действует переходный союз. Но давайте отбросим иллюзии. Платить по счетам придется Германии. Германия имеет все основания говорить, что действовать нужно планомерно и постоянно, а не просто взять пластырь, таблетку аспирина или другую кратковременную панацею, какими мы подлечиваем еврозону. Слабые члены еврозоны и те, чьи структурные и экономические изменения были наименее успешны, должны пройти через болезненные процессы, как сделали мы. Кроме того, у Европы в целом должны быть право и средства для обеспечения контроля таких процессов. В этом-то и состоит главная политическая сложность ситуации. Я прошу прощения, что все так упрощаю и

говорю без прикрас. Таков набор политических головоломок, который составляет фундамент череды наблюдаемых нами кризисов.

Дж. Хардинг:

Если мы уже переходим к вопросам, я хотел бы обратиться к Шри Мульяни, прежде чем дать возможность другим задать вопросы. Сегодня утром мы смотрели на мир и говорили о росте на развивающихся рынках, о необходимости структурных изменений в странах со средним уровнем дохода, о проблеме развитых экономик, особенно в Европе. И меня интересует Ваше мнение с глобальной точки зрения: Шри Мульяни, мы ничего не упускаем? Мы не упускаем потенциальные сюжеты в Африке, демографические возможности, может быть, даже еще один раунд либерализации торговли — какие-то важные варианты?

Мульяни Индравати:

Прежде всего, я считаю, что не было сказано ничего нового. Решение проблемы в Европе, в частности, поспешность разработки решения и принятия соответствующих действий, уже обсуждалось публично. Вы говорили о шести месяцах. Проблема именно в этом: рынок настроен на шесть месяцев, но политические, фундаментальные процессы принятия решений нельзя измерять сроками в шесть месяцев. Эта проблема обсуждалась последние два года.

Что это означает для многих развивающихся стран? Вы видите, что экономические показатели большинства из них в 2012 году снизились — и все это только из-за неопределенности. Спрос сильно ослаб. Ваша политика на макроуровне, фискальная или валютная, становится ограниченной и слишком рискованной. Среди развивающихся стран огромный потенциал в плане демографических и природных ресурсов имеют страны Африки. Развивающимся странам Азии и Латинской Америки, таким как Бразилия, для увеличения роста путем экспорта природных ресурсов, с учетом

демографических трудностей, потребуется принять решение, о котором говорил Тарман. Если они не начнут инвестировать в надлежащую систему образования, нацеленную на подготовку нужных специалистов, это будут уже не демографические дивиденды, а демографическая катастрофа. Не забывайте о том, что в последние 10—30 лет, когда мы наблюдали высокий здоровый рост (Тарман назвал это нормальным ростом), также наблюдался постоянно высокий уровень нетрудоустроенности. У нас был рост без создания рабочих мест. Именно в этом состоит сложность. Если вспомнить Ближний Восток, «арабская весна» была спровоцирована нетрудоустроенностью молодежи. Во многих других странах нетрудоустроенность молодежи все еще остается большой проблемой. Поэтому мы говорим не только о восстановлении уровня роста, но и о качестве и структуре этого роста, как уже говорил Тарман: о том, соответствует ли рост увеличению количества рабочих мест и какова вовлеченность в процесс, потому что в прошлом вовлеченность практически отсутствовала. Финансовые рынки и рынки капиталов работали очень быстро и с высокой отдачей, благодаря чему кто-то быстро богател, но реальная производительность всегда отставала.

Дж. Хардинг:

Я хотел бы дать присутствующим возможность сделать краткие комментарии. У нас осталось всего пять с небольшим минут. Есть ли у кого-нибудь комментарии или вопросы? Если есть, поднимите руку, чтобы я увидел. Вот там есть джентельмен.

Из зала:

Спасибо. Я работаю в Caixin Media. Мой вопрос адресован представителю МВФ. Несколько дней назад на саммите «Большой двадцатки» группа стран согласилась сделать взнос в МВФ в размере более 500 миллиардов долларов США. Самые большие взносы предложили Германия, Япония и Китай. Все это

страны с большим приростом. Вы видите в этом тенденцию? Также хотелось бы услышать Ваши комментарии по поводу отсутствия США в списке стран, сделавших взнос. Спасибо.

Дж. Хардинг:

Отличный вопрос! Тарман, Дэвид. В обратном порядке, пожалуйста, кратко и по существу. У нас почти не осталось времени.

Д. Липтон:

МВФ очень повезло, что некоторые страны (на самом деле их было 37), приняли решение о предоставлении займа в столь трудные времена. Часто в такой ситуации странам с высоким приростом бывает проще всего найти деньги. Я думаю, что со временем наши финансы придут в порядок. В будущем квоты будут увеличены, и не будет необходимости полагаться на такого рода ситуативные займы. Но процесс увеличения квот по своей природе сложен и занимает много времени, так как необходимо получить согласие всех 188 стран, а это не быстро. Мы очень рады наличию ряда займов, обеспечивающий нам возможность предоставить помощь странам, которые могут в ближайшем будущем испытать на себе негативное влияние кризиса.

Т. Шанмугаратам:

Я хотел бы очень кратко отметить, что США подчеркнули свое желание оказать существенную поддержку, если это будет необходимо, путем привлечения Федеральной резервной системы и использования центральных банков. Это тоже очень значительное подспорье в борьбе с кризисом.

Дж. Хардинг:

Спасибо. Вот там еще есть вопрос.

Из зала:

Спасибо. Я из Швеции. У меня вопрос к господину Мандельсону. Вы довольно жестко говорили о еврозоне. Она не может существовать без валютного союза, без фискального союза, без всеохватного надзора ЕЦБ. Если позволите, я хотел бы задать Вам личный вопрос. Почему недавно Вы приняли решение поддержать вход Великобритании в эту не функционирующую зону? Каково сейчас Ваше мнение по этому поводу?

У меня также короткий вопрос господину Кудрину. Вы — единственный участник дискуссии, прошедший через реорганизацию валютного союза, реорганизацию в отношении рубля. Вызывает ли у Вас в этой связи опасения перспектива выхода некоторых стран из еврозоны? Каковы Ваши опасения, с учетом того, что Вы сами видели реорганизацию валютного союза? Спасибо.

Дж. Хардинг:

Замечательные вопросы. Большое спасибо. Питер Мандельсон, почему Вы поддержали вступление Великобритании в еврозону?

П. Мандельсон:

На этот вопрос я могу дать два разных ответа. Первый состоит в том, что если бы мы вступили в еврозону под руководством Тони Блэра, мы смогли бы привнести туда изрядную долю свойственного ему и Британии в целом здравого смысла и тем самым помочь еврозоне пройти по этому минному полю более благополучно. Еврозона все-таки многое потеряла, когда Великобритания решила не вступать в нее, потому что мы могли бы оказаться полезны. А еще на Ваш вопрос можно ответить так: хорошо, что Великобритания не вступила в еврозону, потому что она находится во власти антиевропейского правительства, которое старается всеми силами отдалиться от Европы. Участие Великобритании с ее правительством, не поддерживающим европейский проект в целом, затруднило бы процесс выхода еврозоны на правильный путь. Мой ответ Вас удовлетворяет?

Дж. Хардинг:

Да. Большое спасибо, Питер.

Алексей Кудрин, Вы были свидетелем реструктуризации валютного союза. Что страшнее наблюдать — как люди уходят или как они остаются?

А. Кудрин:

Я всегда был сторонником евро, я считаю появление этой валюты серьезным развитием финансовой системы. У евро есть совершенно четкие преимущества. Вместе с тем, сейчас мы увидели ряд проблем, которые не были решены в период создания и становления евро. Прежде всего, это разная производительность экономик, которые входят в зону единой европейской валюты. Не может быть ситуации, когда в Греции, при такой низкой производительности по сравнению с другими странами, евро укрепляется. То есть в момент экономического спада в Греции не может, не должна укрепляться валюта, с которой работает эта страна. Это же мощнейший удар по национальной экономике. Если валюта страны не двигается за фундаментальными показателями этой экономики, то возникает причина для накопления дополнительного дисбаланса. В этом смысле для Греции, как и для других похожих стран, пребывание в зоне евро дает чрезвычайно мало стимулов для роста: экономика все время испытывает давление укрепления валюты. Соответственно, в еврозону, может быть, должно входить меньше стран, но более близких друг к другу по уровню производительности.

Второе: несомненно, требуется усиление фискального союза. Это долгий путь. Германия должна согласиться с тем, что ей придется передать часть своих суверенных полномочий в какой-то наднациональный орган, который будет определять отдельные вопросы бюджетной налоговой политики. Но эти вопросы очень политизированы. Получается такая ситуация: Германия, не имея в этом фискальном союзе большинства, должна будет соглашаться с

теми решениями, которые будут в нем приниматься. Как промежуточное решение я рассматриваю пересмотр пакта стабильности, что позволит приблизиться к созданию нового фискального союза с чрезвычайно жестким регулированием.

Должен сказать, что на уровне «Двадцатки», в которой я часто принимал участие, мы обсуждали похожие сценарии, но — для глобальной экономики. Мы сейчас переживаем кризис глобальной экономики и кризис регуляторов глобальной экономики. У нас финансовый рынок глобальный, а центры регулирования — национальные, и здесь возникает много противоречий. Мы должны усилить регулирование финансовых рынков — межгосударственное, межстрановое, но делать это нужно очень аккуратно. Некоторые предложения в этой сфере, выработанные в «Базеле-3» и других документах, несколько осложняют ситуацию на рынках. Этот процесс очень сложен. Тем не менее, я приветствую движение к фискальному союзу зоны евро, к сохранению евро — возможно, в меньшем количестве стран, более соответствующих друг другу по уровню производительности и развития необходимых институтов.

Дж. Хардинг:

Большое спасибо. Тарман, один краткий заключительный комментарий.

Т. Шанмугаратам:

Из высказанных разумных замечаний о Европе вытекает очень важный вопрос: является ли большая Европа лучшей Европой? Надо отступить на шаг назад и понять, что решения по борьбе с кризисом должны приниматься с учетом долгосрочных перспектив. Это как лакмусовая бумажка. Благодаря тому, что нам известно об этом типе союза, станет ли Европа более конкурентоспособной? И выстоит ли этот союз в политическом плане, с точки зрения электората и населения? Всего два дня назад Судом европейских сообществ было принято потрясающее решение. В Европе есть закон о том, что всем полагается минимум четыре недели отпуска в год. Так вот, с

настоящего момента в случае болезни во время этого четырехнедельного отпуска сотрудникам полагается дополнительный отпуск в любое время года для компенсации дней болезни, потому что больничный нельзя включать в состав отпуска. Таким образом, если вы заболели во время отпуска, вам полагается дополнительный отпуск. Я считаю, что из этого можно сделать важные выводы. По европейским меркам, в этом присутствует определенная логика. Станет ли Европа более конкурентоспособной в результате создания социального союза, к которому приравнивается финансовый союз? Какое значение это будет иметь для новых стран еврозоны — например, для стран Балтии? Станет ли Европа более здоровой и динамичной экономикой континентального масштаба с точки зрения непрерывного соревнования с Китаем или, может быть, с возродившимися Соединенными Штатами и с развивающимся миром? Это фундаментальный вопрос и я не знаю точно, как на него ответить. Я убежден в необходимости банковского союза, способного устранить имеющиеся проблемы в краткосрочной перспективе. Вы жертвуете некоторым суверенитетом в отношении контроля над вашими банками, реструктуризации ваших банков, и получаете взамен гарантию депозитов. Подобное решение, в любом варианте, абсолютно необходимо. Но дальнейшее объединение одной формы союза с другой — финансовой, социальной, политической, что свойственно валютному союзу, — это поиск совершенства. Лучшее может стать врагом хорошего.

Дж. Хардинг:

Благодарю Вас, Тарман. Большое спасибо. Я понимаю, что мы задерживаемся на пару минут. Прошу за это прощения. И прошу прощения, если у кого-то еще остались вопросы. На мой взгляд, вполне уместно закончить эту сессию вопросом. Спасибо Вам за вопросы, Тарман.

В заключение я хочу поблагодарить всех присутствующих. Этим утром мы затронули очень существенные вопросы. Благодарю всех за внимание. Спасибо UBS за спонсорскую поддержку этой сессии. Но самую большую

благодарность хочу выразить группе участников дискуссии. Большое вам спасибо.